

И все же, почему все было так печально?

Потому что любовь была требовательной.

После того дня я болела в течение месяца. К счастью, медицинские навыки Нунъюя были достаточно блестящими, чтобы вернуть мне жизнь. Под его опекой мое изломанное тело стало отважным, как дракон, и ловким, как тигр(1). Из-за неотложных дел Маленькому Ли пришлось вернуться во дворец, но это было к лучшему. Если бы он смог убедить выжидающего Хань Цзычуаня отказаться от меня, это было бы еще лучше. Раненое чувствами дерево Фан Хуа теперь было красным и скоро должно было принять человеческую форму, так что Хань Цзычуань больше никогда не получит свое рассеивающее яды дерево.

Когда началась зима, выпал первый снег. Когда моя болезнь почти прошла, Нунъюй стал рассеянным. Он так и не смог полностью оправиться от шока, вызванного тем, что в тот день он увидел душу Фан Хуа. Когда я начала уговаривать его покинуть гору, он послушно согласился. В тот день, когда он ушел, он оставил мне много-много разных лекарств. Этот беспорядок из бутылочек и упаковок с пилюлями был одновременно странным и знакомым... Многие из самых ценных пилюль я распознала как работу Диэра и Саньэра. Кто знает, как у них сейчас дела... но эти вещи не имели ко мне никакого отношения. Без такого никчемного Учителя, как я, которая ничего не умела делать, их жизнь, вероятно, стала бы намного лучше.

После того, как Нунъюй покинул гору, я запечатала все пути, ведущие внутрь. В мире было слишком много людей, которые хотели бы подняться на гору, чтобы поискать дерево Фан Хуа. Я просто хотела использовать оставшееся время, чтобы оставаться рядом с ним и жить вместе.

Сегодня было очень тепло. Я наклонилась над кроватью, чтобы надеть туфли, открыла двери и подставила свое тело зимнему солнцу, чувствуя себя немного странно. Большая часть снега снаружи, кажется, растаяла. Я лениво потянулась и разогрелась, прежде чем приступить к работе.

Под деревом Утун во внутреннем дворе было закопано вино, которое мы с Фан Хуа приготовили вместе в прошлый раз. Он любил выпить, когда был жив. Зимой так холодно, что это, должно быть, невыносимо для него, поэтому я должна принести немного, чтобы удовлетворить его жажду. Иначе он бы снова разозлился на меня. Мои губы изогнулись в улыбке: "Шаоэр, ты знаешь, куда мы положили лопату?"

Как только я заговорила, я впала в оцепенение.

Вокруг меня все было по-прежнему засыпано сверкающим снегом. Прошло некоторое время, прежде чем я пришла в себя. Попугай исчез после того, как сказал мне, что Фан Хуа похоронен на холме желтой земли. Я присела на корточки, уткнувшись головой в колени, и тихо, беспомощно улыбнулась. Так жить одному на самом деле может стать одиноко. Мне уже было трудно привыкнуть к одному дню, так как же Фан Хуа выживал здесь в течение пяти лет?

Холодный ветер заставил меня чихнуть, поэтому я поднялась на ноги, чтобы вытереть лицо рукавами. Я выдохнула воздух в свои руки, после чего потерла их друг о друга.

“Хватит об этом. Пора найти лопату, пока Фан Хуа не начал нервничать от ожидания.”

Я остановилась перед одной из комнат на западной стороне, заметив замок на двери. Я почесала в затылке, после чего направила ци в область живота и нанесла удар рукой. Пыль обдала мое лицо, но сила моей ладони разбивала замок на бесчисленные мелкие кусочки, пока он не перестал существовать. Ветерок проскользнул между дверными щелями, после чего она со скрипом открылась. Я шла в неведении, пытаюсь нащупать дорогу. Перед моими глазами один за другим появились свитки из высококачественной бумаги сюань(2), свисающие со стропил. Несколько солнечных лучей упали вниз... освещая плавающие в воздухе пылинки...

Я подняла голову.

Все развешанные бумаги были выполнены по одному и тому же шаблону, и на каждой был нарисован один и тот же человек. Когда ветер раскачивал картины, человек на бумаге, казалось, колебался между плачем и улыбкой. Беззастенчиво умная и симпатичная, немного бесстыдная... она была женщиной, облаченной в мужскую одежду. Улыбка на ее лице промелькнула, когда я повернулась, чтобы осмотреться по кругу, и мои глаза наполнились образами этого человека по имени Шао Е(3). В этот момент мое сердце сжалось в маленький твердый камешек и бешено заколотилось, когда на него внезапно напал приступ меланхолии. Я подняла руку, чтобы вытереть лицо, но не смогла остановить слезы, которые продолжали капать, пока не пропитали мои пальцы.

Фан Хуа, тебе всегда удастся затронуть мои чувства, когда мне очень одиноко. Но это только сделало меня еще более угрюмой. Я провела долгое время в этой комнате, после чего собралась с мыслями, нашла лопату и отправилась навестить Фан Хуа, волоча за собой кувшин вина.

Могильный холмик был почти погребен под снегом. По другую сторону могилы был разбросан подтаявший снег. Где-то в этом сугробе было маленькое дерево Фан Хуа. Всякий раз, когда дул ветер, его характерный аромат наполнял все мое тело, словно бы этот человек все еще был рядом со мной. Он бы сказал: "Шаоэр... вино, которое ты варишь, было лучшим, что я когда-либо пил. Я не знаю, смогу ли я попробовать это снова в это же время в следующем году."

Моим глазам становилось немного жарко...

Ифу, Шаоэр уже вспомнила все секреты приготовления вина, но больше некому пить его вместе со мной.

Я подняла кувшин с вином и сделала большой глоток, его острый вкус заставил меня поперхнуться и закашляться... Я неуклюже вытерла лицо руками и начала беззвучно плакать. В течение месяца, пока я болела, я никогда не забывала побеспокоить Нунъюя, чтобы он дал мою кровь Фан Хуа. Даже когда я была в полубессознательном состоянии, я кричала и шумела до тех пор, пока не ощущала знакомую боль в запястьях. Каждый раз Нунъюй чувствовал себя одновременно злым и огорченным.

Не имело значения, что он чувствовал. До тех пор, пока у Фан Хуа было достаточно крови, чтобы накормить его, чтобы он мог вырасти сильным и крепким...

Я вылила кувшин вина на жадную желтую землю, которая впитала в себя густую и сочную жидкость. Оно смыло тающий снег, но не обнажило знакомого красного дерева Фан Хуа. Присев на корточки, я устала на снег, после чего порылась в нем руками... и была встречена сюрпризом. В снегу стояла единственная сухая ветка, но красное дерево Фан Хуа поблекло по цвету и дало четыре ветки. Они обладали качеством нефрита, но были даже белее снега.

Фан Хуа, ты наконец-то возвращаешься...

Некоторое время я не знала, смеяться мне или плакать. Я была слишком занята, чтобы беспокоиться о холоде, и села прямо в снег, прикрыв глаза рукавами. Несмотря на это, слезы все еще пропитывали мою одежду. Все казалось похожим на сон. Когда я пришла в себя достаточно, чтобы посмотреть снова, от теплого солнечного света у меня чуть не закружилась голова. Я прислонилась к могильному холмику, чтобы сесть рядом с ним, и не смогла удержаться, чтобы не коснуться его пальцами. Крошечная ручка в моей руке медленно шевельнулась в ответ, и мой взгляд смягчился. Только тогда я перестала волноваться и медленно взяла его за руку.

Фан Хуа, у тебя очень холодные руки. Я буду держать тебя в тепле.

Фан Хуа, когда ты собираешься вырасти?

Не бойся, я твоя Шао Хуа.

Три месяца спустя.

С тех пор как Фан Хуа впервые подал признаки жизни, мне захотелось завернуться в покрывала и разбить лагерь у могилы на моем бамбуковом коврик, чтобы мы могли проводить больше времени вместе. Хотя погода постепенно становилась теплее, мое тело было уже не таким крепким. Мои руки всегда дрожали. К счастью, мои огромные запасы внутренней энергии и запасы пилюль Нунъюя означали, что я все еще могла протянуть некоторое время. Может быть, это было из-за недостатка у меня жизненных сил, но месячные у меня прекратились давным-давно. Хотя это было прекрасно.

У дерева Фан Хуа в земле уже выросло лицо вместе с руками и ногами. Все его тело было белым и мягким на ощупь. Конечно, я не позволяла себе слишком много вольностей, боясь, что это его напугает. Трава у холма желтой земли начала прорастать, распространяя свой мягкий аромат с каждым порывом ветра. Я прислонилась к могиле, чтобы наблюдать за ним, любя его все больше и больше с каждым взглядом. Я больше ни о чем не беспокоилась. Сидение рядом с ним в конце концов сменилось лежанием рядом с ним, где я подкрадывалась поближе, чтобы наблюдать. В эти дни черты лица маленького человечка постепенно становились четче. У него было красивое, утонченное лицо, почти точно такое же, как у Фан Хуа...

Нет... если быть более точной, он был намного моложе Фан Хуа, но его лоб так сильно напоминал его собственный. С закрытыми глазами он действительно выглядел так, словно крепко спал. Я легонько коснулась его щеки, и его крошечные брови нахмурились, словно бы я его побеспокоила. Моя рука тревожно поднялась, но это была всего лишь ложная тревога. Его брови снова медленно разгладились. То, что я почувствовала под своими пальцами, было неожиданно мягким, вызывая у меня смесь сладости и грусти. На мгновение это было почти невыносимо. Он и правда был жив и скоро примет человеческий облик. Я глубоко вздохнула и опустилась на колени на землю в забытии, после чего подняла брови в улыбке.

“Ты, должно быть, голоден. Просто подожди... Шаоэр даст тебе кое-что вкусненькое.”

Я закусила кусочек рукава, достала из-за пояса маленький кинжал и сделала порез на запястье. Кровь хлынула наружу, разбрызгиваясь по грязи у его ног и наполняя воздух сырым запахом. Я стиснула зубы, выдавив еще крови, и прижалась телом к могиле, наклонив руку, чтобы лучше остановить кровотечение. Моим другим рукавом я прикрыла лицо, отвернувшись, слишком напуганная, чтобы смотреть.

Это началось так давно... но я все еще немного боялась видеть такую свежую красную дрянь.

У меня так кружилась голова.

Другие перерезали себе вены, чтобы покончить с собой, но я, по сути, убивала себя раз в день.

Ветер был очень нежным. Моя рука вяло повисла рядом с Фан Хуа, кончики пальцев были немного холодными. Температура в моем теле улетучивалась вместе с кровью... Я услышала тихий шум дыхания, от которого у меня в голове стало пусто. Пораженная, я подняла голову и увидела, что малыш все еще прижимается с закрытыми глазами, после чего он нашел мое запястье и начал сосать. В то же время я ощущала что-то теплое, а он начал жадно пить, его голова в забытии раскачивалась взад-вперед. Я могла только смотреть в оцепенении.

Теплые звуки кормления вызвали онемение в моей ране, которое распространилось наружу. Какая-то ци потекла между тем местом, где мы соприкасались, наполняя мое сердце странным ощущением. Мое зрение затуманилось, в то время как перед моим мысленным взором в хаотическом беспорядке появилось еще больше образов...

Были ли это воспоминания Фан Хуа из прошлой жизни?

Мой разум опустел, я упала в обморок, и мне приснился сон.

Весной, в марте, ивовые сережки плыли по воздуху, в то время как вода покрывалась рябью.

Там был юноша лет семнадцати-восемнадцати, сидевший на каменной скамье, с рукавом, намоченным в воде, когда он выпускал в пруд фонарь из белого лотоса. У этого юноши были нахмуренные брови над юным и нежным лицом, и он безошибочно был молодым Фан Хуа. Позади него стоял человек, одетый в белые одежды, лицо которого было скрыто ивовыми ветвями, когда он говорил мягким, умоляющим голосом:

“Господин Хуа, пожалуйста, помогите мне вылечить моего мужа”.

Хотя человек был одет как мужчина, голос заставил меня понять, что это была женщина - с исключительно героической осанкой. Фан Хуа проигнорировал ее, уставившись вдаль. Весенние воды, казалось, волновались от беспокойства. Эта женщина долго стояла, после чего из ее груди вырвался крик маленького ребенка. Она беспомощно попыталась утешить ребенка, после чего заговорила тихим голосом:

“Даже если я причинила тебе зло, не впутывай в это других”.

Фан Хуа внезапно обернулся, повысив голос: “Даже если у твоего мужа остался всего один вздох, ну и что? Даже если я могу вылечить сотни различных болезней, я не стану лечить его”.

Сказав это, он снова отвернулся. Для такого кроткого человека его лицо все еще могло краснеть, когда он был раздражен.

Она тяжело вздохнула рядом с ним. Возможно, шум был слишком резким, потому что ее испуганный ребенок сразу же перестал плакать. Маленькое личико стало угрюмым, когда ребенок схватил женщину за мантию, но у него не было сил сжать ее в кулак. Постепенно звуки, издаваемые ребенком, становились слабее...

“Что с ней не так?” - взгляд Фан Хуа постепенно остановился на маленьком ребенке.

“Малышка постоянно плакала, но я не знаю, почему”. - сказала женщина, утешая своего ребенка. Фан Хуа взял ребенка у нее из рук и заговорил легким тоном:

“Этого ребенка тоже следует пожалеть. Я подозреваю, что твой муж передал яд, содержащийся в его организме, и ей. Я спасу ребенка, но больше ничего. Ты можешь найти для остального другого человека.” - развернувшись, Фан Хуа чопорно понес уставшую девчушку прочь, даже с некоторой неохотой. Женщина безучастно смотрела вслед его удаляющейся фигуре.

В пруду... фонарь с цветком лотоса уже уплыл довольно далеко.

В тени дерева сидел Фан Хуа, все еще нахмутив брови. Он неохотно смотрел на ребенка у себя на руках, после чего медленно улыбнулся - неприглядное выражение, которое выглядело еще хуже, чем если бы кто-то просто плакал. Я была способна понять такую внутреннюю печаль.

Он как бы говорил: “Я спасаю этого ребенка только потому, что она твоя.”

Внутри дома.

“Ты ни капельки не похожа на своего отца или мать...” - Фан Хуа лежал на кровати, тыкая пальцем в щеку малышки. Девочка раскинула конечности, широко раскрытыми глазами уставившись на него и бормоча какую-то чушь, после чего нашла его палец и пососала его.

“Пей это медленно. Ты принимаешь это за молоко? Моя кровь очень ценная”.

Маленькая девочка, казалось, поняла, когда она закрыла глаза. В тусклом свете лампы Фан Хуа подпер голову руками, на его лице было теплое выражение. Он уставился на малышку, словно вспоминая что-то, после чего выражение его лица омрачилось. Темно-красная родинка в уголке его глаза была поразительного оттенка.

Густой туман окутал все вокруг, бескрайний и белый. Когда он рассеялся, все прояснилось немного лучше. Появилась еще одна сцена дома. Внутри все было так же, как и раньше, но маленький ребенок вырос. На голове у нее была шапочка и длинная мантия, которая волочилась почти до земли. Ее ноги были босы, когда она, пошатываясь, ходила по дому.

Дверь открылась.

Фан Хуа вошел с кувшином вина, выглядя так, как если бы у него болело сердце, когда он поднял голову, чтобы выпить вина. Он поднял руку в длинном рукаве, чтобы вытереть себе лицо, после чего посмотрел на порхающую вокруг малышку. Он улыбнулся, словно смеясь над самим собой, и казался опустошенным. Пройдя несколько шагов, он наклонился и схватил девочку за одежду. Девочка пристально посмотрела на него, сдвинув брови, как будто сердилась. Он заключил ее в объятия и нежно погладил.

“Твой отец все-таки умер... ты знаешь?”

Маленького ребенка, казалось, не интересовали его слова. Она использовала пухлый палец, чтобы накрутить его черные волосы вокруг своей руки, после чего сжала их в кулаке, с улыбкой закрыв глаза.

“Должен ли я вернуть тебя ей?..” - Фан Хуа наклонился, мягко ткнув ее в щеку и разговаривая сам с собой: “Я долго не проживу, так что если я оставлю тебя...”

Ребенок уставился на рукав Фан Хуа, после чего схватил его, чтобы укусить.

“А?” - Фан Хуа присел на корточки, оттаскивая ее: “У тебя режутся зубки”.

Видя, что она не может разгрызть рукав, девочка нахмурила брови, после чего приступила к работе над его пальцем. Когда Фан Хуа с воплем вытащил его, он уже был покрыт слюной.

“Кстати, об этом”. - Фан Хуа огляделся, вытирая руку о свою мантию: “Если я оставлю тебя, она рано или поздно найдет меня. Каждый раз я всегда жду ее. Я хочу, чтобы она подождала меня хоть раз. Тебе не кажется, что это правильно?..” - он засмеялся, и ребенок засмеялся вместе с ним. Кто знает, что забавляло их обоих, но, вероятно, это было не одно и то же.

“Каково это, быть любимым кем-то...?” - улыбка Фан Хуа погасла. Его глаза потемнели, когда он вынул пояс из жадного рта малышки и вздохнул. Он медленно выпрямился и налил себе чашку чая, прихватив по пути книгу для чтения. Хотя его глаза были прикованы к словам, его сердце было не в них.

Некоторое время спустя глаза Фан Хуа опустились, и он погрузился в дремоту. Как раз в этот момент раздался яркий звук. Когда он повернулся, чтобы посмотреть, то не смог удержаться от смеха. Маленькая девочка была чем-то пропитана насквозь, ее рука мертвой хваткой вцепилась в кусок скатерти, в то время как она стояла на земле, скрестив ноги. Гигантский

деревянный таз был опрокинут на землю, затопив большую часть пола. Девочка молча уставилась на Фан Хуа с испуганным выражением лица, словно пытаясь не заплакать. Ее кожа, которая когда-то была прозрачной, подобно белому тофу, теперь колебалась между покраснением и почернением, выглядя чрезвычайно бледной.

Только тогда Фан Хуа успокоился и подошел. Он взглянул на перевернутый таз, принялся к нему и поспешно сунул девочку под мышку, после чего выбежал на улицу, чтобы бросить ее в пруд. У него не было времени раздеться, но он вошел в воду сразу после этого, и закатал рукава, чтобы вымыть ее.

“Только посмотри на себя. Из всех вещей, с которыми можно поиграть, ты выбрала мою наполовину готовую формулу пилюль. Теперь видишь, ты вся грязная... и как я должен теперь убрать всю эту черную дрянь с твоего тела?”

Ни чистка, ни мытье не помогали. Все ее тело было совершенно темным, придавая хорошенькой девчужке оттенок древесного угля. Фан Хуа глубоко вздохнул и сказал: “Я сомневаюсь, что даже твоя собственная мать смогла бы узнать тебя сейчас”.

Затем он погрузился в раздумья. Возможно, было бы лучше, если бы она этого не сделала.

Казалось, что сами Небеса помогают ему. В конце концов, эта малышка признала в нем члена семьи. Если бы кто-то на самом деле забрал ее, это было бы больнее, чем отрезать собственную плоть. Внутри пруда один большой человек и один маленький человечек устали друг на друга. Внезапно маленькая фигурка пошевелилась и отвернулась, чтобы по-собачьи уплыть прочь.

“Что это, что ты делаешь?” - Фан Хуа уставился вслед ее развевающемуся воротнику рубашки. Она все еще топталась на месте, старательно плывя. Когда он, наконец, поднял ее мокрое тело из пруда, в ее руке был дополнительный красный лотос.

“Это для меня?” - радостно воскликнул Фан Хуа, притягивая ее к себе и хватая за руку. Как только он потянулся за цветком, маленькая девочка отдернула руку. Когда он попытался снова, она почувствовала себя еще более обиженной и снова забрала его.

“Так... в конце концов, это не для меня”. - на лице Фан Хуа отразился редкий момент разочарования. Внезапно маленькая девочка почувствовала, что ее снова опускают вниз. В паре сантиметров от воды пухлая ручка снова протянула красный лотос, предлагая его.

“Я сказал это просто так”. - улыбнулся Фан Хуа: “Ты, должно быть, добыла этот красный лотос для меня”.

Он отпустил ее, и девочка с плеском упала в воду, взбаламутив все остальные цветы в бассейне.

Улицы были шумными и оживленными, заполненными людьми. Фан Хуа вел маленького ребенка за собой, бесцельно бродя по городу. Девочка пристально смотрела на лоточников, торгующих своим разнообразным разноцветным товаром. Фан Хуа спокойно посмотрел на нее,

после чего зарылся руками в свою мантию. Он нашел всего несколько медных монет и в конце концов увел ее прочь.

Внутри дома Фан Хуа сидел во дворе, разрезая древесину на заготовки и глубоко задумавшись. В конце концов, он начал вырезать что-то...

Маленькая девочка сидела на корточках на земле, держа в руках новоиспеченный диаволо и барабан-погремушку, и с восторгом играла с ними. Фан Хуа поднял голову и наблюдал, как она веселится, не подозревая о расцветающей на его лице улыбке. Время медленно тянулось для них обоих.

Однажды снежным днем кашляющий Фан Хуа нетвердыми шагами вел за собой маленькую, хорошо одетую девочку. Ветер был свирепым, когда он задувал по их следам, одному большому, другому маленькому. На нем было белое пальто из лисьего меха, которое скрывало большую часть его лица, за исключением черной как смоль родинки у глаза. Его глаза были полны печали, когда он неохотно прикоснулся к маленькой девочке, жующей свою конфету.

С мягкой улыбкой он передал ребенка старому нищему в полуразрушенном храме. Затем он засунул руку в рукава и достал все серебро, которое у него было, вложив его в руки старого нищего. Когда все было сделано, он вспомнил еще об одной вещи и накинул пальто из лисьего меха на голову маленькой девочки, окутав ее теплом. Он опустил на колени и заключил ее в объятия, желая что-то сказать сквозь свой неконтролируемый кашель.

Подожди меня, я вернусь за тобой.

Затем он медленно развернулся и исчез в снегу.

Темные тучи заволокли небо, когда тонко одетый Фан Хуа, пошатываясь, подошел к могильному холму из желтой земли. Он рухнул на землю, поглощаемый морем пламени до тех пор, пока не превратился в сухую ветку дерева. В тот момент, когда бушующий огонь поглотил его существо, я, наконец, поняла его печаль. Он не смирился с таким концом... ради человека, которого он не мог любить, он наполнил этот одинокий дом множеством прекрасных сцен. Он всегда ждал и надеялся, отказываясь от кусочков своей собственной жизни.

В конце концов, он отдал ребенка этого человека другому человеку, спрятав ее в месте, известном только ему. За день до смерти он сделал ставку в азартной игре, которую гарантированно выиграл, ставку, которая доказала бы, что он когда-то жил этой жизнью. Если бы тот человек любил его, она бы вернулась, чтобы оплакать его, возможно, дав ему шанс возродить свою душу.

Если тот человек не любил его, тогда... ради своего единственного ребенка она использовала бы свою собственную кровь, чтобы оживить его. Только тогда возрожденный Фан Хуа мог вернуть воспоминания о своей прошлой жизни и вспомнить, где он оставил ее дочь. Это была азартная игра, в которой он уже мог видеть конец, где ему не нужно было молча ждать или

выжидать своего часа...

И все же, почему он был так печален? Возможно, потому, что эта любовь была вынужденной.

(1) shenglong huohu (龍虎) - отважный, как дракон, и ловкий, как тигр. Быть переполненным энергией, быть полным сил.

2) xuan (宣) – сюань. Тип высококачественной бумаги, традиционно изготавливаемой в Сюаньчэне (город Сюань) провинции Аньхуэй, особенно хорош для традиционной китайской живописи и каллиграфии.

(3) Shao Ye (韶) – Шао Е. Иероглиф Шао здесь такой же, как в «ШАОЭР». Ye означает "свет костра", "солнечный свет" или "яркий". Самое интересное, что Ye также содержит корень для Hua (花), который звучит как «hua» в Shao Hua (韶華), "весенняя пора" или Шао Хуа, наша главная героиня.

<http://tl.rulate.ru/book/80096/2744013>